

ЦГАЛИ, Рарик Н.К., фонд 2403, оп. I, ед. хр. 23 л. 12, 12а

АКАДЕМИЯ

Сколько чувств будило здание Академии. Музей, скульптуры, тёмные коридоры, а там где-то внутри и школа, связанная со многими любимыми именами... Удастся ли попасть туда?

Летом 1893 года работа с Н.И. Кудриным в Музее Академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. "Не увлекайтесь тушевкой - учит Кудрин, - главное, покажите как строите".

На экзамене голова Антиноя, сделал что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: "Не в этом - так в будущем году". "Неужели провал?" "В списке нет Вас". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш / мы его очень любили/ и укоризненно усовещивает Новаренко: "Чего ощущаете, раньше чем говорить, прочли бы список". "Принят и даже хорошо!!

Головной класс — профессора Лаверсцкий и Позалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залесман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричит: "У Вас Аполлон-то француз, — ноги сильно перетонили".

В натурном Виллевальде, всегда в форменном фраке, всех хвалищий. Помню, как один, расхваченный им академист, получил на экзамене четвертый разряд. Пошел жаловаться: "Как же так, профессор, Вы так хвалили?" "Ну что ж, у других еще лучше было".

За эскиз "Плач Ярославны" первый разряд. Тогда же эскизы "Святополк Окаянный", "Пскович", "Избушка пустынная", "На границе дикий человек", "Пушкини", "Вече"*****

Старая Академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть — к Репину или к Куинджи. Репин расхвалил этюды, но он вообще не скучился на похвалы. Воропанов предложил: "Пойдем к Куинджи. Бешим. Посмотрел сурово: "Принесите работы". Жили мы близко — против Николаевского моста — сейчас и приталили все, что было. Смотрел, молчал.

что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на манал и отрезал коротко: "Это вот они в мастерскую ходить будут". Только и всего!! Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал, например, на "Поход", а потом вернётся: "Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки —

— и так можно!"

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, сп. I, сд. хр. 23, л. 46

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Во второй половине 1917-го года к нам в Финляндию начали приезжать друзья и сотрудники. Присезжал Арбенин за картинами, ибо всё время увеличивался спрос, по очень крупным ценам. И Арбенин тоже просил картин, — жаль, что он скоропостижно умер, и расчёты с ним все обрушились. Приехал и Химона от Совета и учащихся Школы. Были настойчивые приглашения и даже требования как можно скорее вернуться, ибо все сочувствовали моему проекту преобразовать Школу в Народную Академию. Передавали также о моей кандидатуре в министры изящных искусств. Но недорывье — несноснейшая пневмония — даже в прекрасном климате Карелии всё ещё давала себя чувствовать. Хорошо, что после 50-ти лет всякие легочные невзгоды потом прошли. Говорят, что это обычное явление. Но во второй половине ноября я всё же поехал для обсуждения Народной Академии, которая уже с давних времён была

мене близка.

Вспоминаю сердечную встречу с товарищами, преподавателями и с учащимися. Помню прекрасную беседу с Вольтером — было полное единение и понимание. Впоследствии в 1926 г. Вольтер пришел к нам в Москве и написал под псевдонимом Солин глубокую статью под названием "Как свеки заветы Учителя". Хотелось бы встретиться с этой группой наших бывших учащихся, в которых прочне остались заветы, им переданные. Из нашей Школы Общества Поощрения художеств, которая в сущности всегда и была истинно народной школой, было весьма легко развернуть Народную Академию. Следовало прибавить лишь несколько мастерских, дать мастерские для окончивающих Академию и наладить академические экскурсии для усовершенствования как за границу, так и по всем окраинам нашей обширнейшей Родины. Наша Школа и без того была всегда внеклассовой, внера расовой и внепредрассудочной. Каждый мог учиться в любой отрасли искусства и совершенствоваться по своему свободному выбору. Не было требований о пребывании в каждом классе определенного времени, а кроме того даже окончившие Школу / совершенно, как бывает во

французских свободных мастерских/ могли опять заняться и набивать руку в любой избранной ими отрасли. Особенно ценно было, что наряду с живописью, скульптурой и архитектурным сочинением каждый мог работать и в прикладных мастерских, которых уже и тогда было многое очень. На фабриках, куда многие поступали после окончания мастерских, очень ценились наши ученики, вносявшие в технику и принципы настоящего искусства. Тогда здоровье не позволило мне заняться идеей Народной Академии. Так легко была исполнима эта неотложно — полезная мысль.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп.1, ед. хр. 23, л. 48, 49

ФИНЛЯНДИЯ

Замечательны сны Е.И. Много их. Бахтерев записал часть. В начале декабря 1916 был такой сон: Е.И. ходит по дворцам, пустынным и заброшенным. Видит группу художников "Мира искусства" — они переписывают картины и обстановку. Затем вдали появляется отец Е.И. и манит её поспешить за ним. Идут по каким-то колмам, приходят к небольшому домику, окруженному оградой из шиповника. Синее небо и много цветов.

Тогда же для "Русского слова" пишу, по обычью, к Рождественскому номеру сказ "Страхи". Спрашивают, отчего такой сумрачный?

Подошло Рождество, прошли школьные экзамены, Е.И. решила на праздники ехать в Финляндию. Все гости-ницы оказались заняты, хорошо, что Ауэр на злоумил ехать в незнакомый нам Сердоболь / Бартавала / на севере Ладоги. Решили, поехали — конечно, бабушки и тётушки считали такую морозную поездку сумасшествием.

Было 25° мороза по Реомиру. Вагон оказался не тепленным — испортились трубы. Все же доехали отлично. Сейракуоне, гостиница в Сартавале, оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами — очаровательна.

Финны были к нам очень дружественны. Знали и любили моё искусство. Моя дружба с Гелленом Каллела тоже была известна. Семья Соллицевых — славные люди. Мы сняли дом Икинлахти, имение Реландера. Поездка на праздники превратилась в житьё. Для моей ползучей пневмонии климат Финляндии был превосходен. Икинлахти была тем самым домом с оградой из шиповника, который Е.И. видела во сне.

Тогда же укрепилась мысль достать мои картины из Швеции, где они оставались с 1914 года после выставки в Мальме.

Лето 1917 года — Икинлахти. Зима 1917-18 — Сартавала, Иенесен Талу. Лето 1918 — на острове Тулола среди разнообразных шкёер ладожских. Поездка на Валаам. "Святой остров" / кажется, он теперь в русском музее /. Россияне мало знали Ладогу!

- 44 -

Зима 1918 года — Выборг. Выставка в Стокгольме.
Бьорк и Мансон — оба знакомы ещё с Мальмё. Затем
выставка в Гельсингфорсе у Страндберга. Атенеум купил
"Принцессу Мален". Исторический музей хотел купить
"Каменный век", но у них имелась лишь полая сумма
в 5000 марок.

Вспомнили мы с Е.И. наши прежние поездки по
Суоми — Нислут Турику, Лохья, конечно, Иматра и каналы.
Впереди была Швеция и Англия. Дягилев помог с визой и
с выставкой.

- 45 -

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, сд. хр. 23, № 32

Т Е А Т Р

К участию в театре потянул Дягилев. "Половецкий стан" — в 1906 году в Париже дал отличные отзывы. Помню, как сильно написал Жак Бенар. Затем прошел "Шатёр Грозного" для "Псевдитянки" и "Сечи при Керженце" — для симфонической картины "Китай"; одновременно Бакст делал "Шехерезаду". Помню, как изумился Дягилев, увидев, что мы оба, сами того не зная, сочинили в красных и зелёных тонах. Тогда же Серов писал тоже для Дягилева занавес — неизвестно, где сейчас остались оба эти панно. Съели ли их немцы или же они подмокли где-нибудь и их разрезали на тряпки, — всяко бывает.

В Лондоне в 1919 году я видел "Половецкий стан" в таком потёртом виде, что с трудом мог узнать первоначальный колорит. На небе зияла огромная западка. Когда же я спросил, что такое случилось, мне спокойно ответили: "в Мадриде порвали, там сцена была меньше". Потом пошло: "Снегурочка",

" Валькирия ", " Три Волжа ", " Бузине Овседуна ",
 " Игорь ", " Салтан ", " Садко ", " Весна Священ-
 ная ", " Сестра Беатриса ".

В Художественном Театре " Пер Гюнт ", Для Свобод-
 ного Театра были готовы эскизы для " Принцессы Мален ".
 Марджанов очень мечтал об этой постановке. Бенуа ква-
 лили эскизы, но в театре начались какие-то местные
 передряги , и предстояло закрытие антреизы. Марджа-
 нов пишет: " Лучше заберите эскизы, как бы они не
 пропали ". На том и кончилось. Сейчас серия " Прин-
 цессы Мален " разбежалась широко. Кроме русских соб-
 раний отдельные части имеются в Атенеуме / Гельсингофе /,
 в Риксмузее / в Стокгольме, в Париже и в Америке.

Так же широко разбросало и серию " Пер Гюнта ".
 Особенно помню постановку, ибо тогда впервые при-
 лось встретиться со Станиславским и Немировичем-Дан-
 ченко, и эти встречи остались среди лучших воспоми-
 наний. А сегодня читаем о смерти Станиславского— еще
 одна большая страница перевёрнута.

" Кунст унд Декорацион " — назвал мои вагнеровские
 эскизы лучшими среди интерпретаций Вагнера.

Не забудется и скандал, произошедший в Париже в 1913 году при первой постановке "Весны Священной". С самого поднятия занавеса какое-то "джентельмены" вынимали свистки и завывали так, что даже музыка была слышна с трудом. Бросалось в глаза, что свистки были принесены заранее, и свист и гам начинались с увертиры, - значит, всё было припасено заранее.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., 2408, оп. I, ед. хр. 23, л. 67

РУССКАЯ ИКОНА

Теперь все знают, что старая русская икона есть ценнейший примитив. Весь мир ознакомился с этими нашими сокровищами и единодушно восхитился, также и со стороны чисто художественной. Это признание произошло в течение последних тридцати лет. Но ещё в 1900-м году дело обстояло совершенно иначе. Для одних икона была священным предметом, который из почитания можно наглухо забить гвоздями в золотой или серебряный филад. Нам приходилось видеть чудесную живопись, забитую гвоздями, и варварство это происходило от почитания. Для других икона была какой-то кустариной, а прекрасные мастера иконописцы презрительно назывались "богомазами". Когда мы ездили по Руси для ознакомления с фресками старых соборов и с чудесной иконописью, на нас смотрели как на чудаков. Один злой человек даже написал, что скоро весь обикол по нашим рисункам будет

" по мотивам Чуди и Шери ". На такие насоки мы отвечали, что пройдёт несколько лет, и те же ху-
дожники будут восхищаться якобы вновь открытими
русскими примитивами. Восхищение это будет не только
на страницах научных трактатов по истории искусства,
но будет оно в лучших художественных оценках. Мы
прибавляли: " и завоюят и захватят, — будем их во-
ление пророчествовать ".

Так и случилось. Вдруг сделалось принятый ездить
по старым монастырям заботиться о восстановлении
древних фресок и восхищаться Новгородским, Киев-
ским и Московским иконным письмом. Открылись глаза на
ценнейшую художественную сторону иконописания — вдруг
оказалось, что из среди народной постоянно выходили
истинные художники. Одни из оставили нам имена свои,
но большинство прошло безымянно, а ведь и они эти
" знающие и незнающие ", " писанные и неписанные ",
были отличными мастерами. Когда-то нам говорили,
что только иноzemцы научили русских иконников. Преим-
ущественность всегда была и во всём и нам нечего отка-
зываться от наследий Византии, Востока и Италии.

Но никто не скажет, что такие великолепные мастера как Симон Ушаков, Рублев, Данило Чёрный, "со-товариши" не были исконно русскими дарованиями. Расширились страницы русской истории искусства. Оказалось, что вовсе не от основания Академии художеств, но от глубокой древности русский народ уже мог гордиться своими художниками, настоящими мастерами, которые с великим искусством изукрашали стены храмов и палат.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, л. 20, 20A

друзья

Кроме друзей из живописно-художественного мира всегда были близки ещё три группы, а именно: зодчие, музыканты и писатели. На расстоянии многих лет часто даже вообще невозможно вспомнить, как именно образовывались эти дружеские отношения. С зодчими, которые потом даже избрали меня членом Правления их Общества, дружба складывалась вокруг строительства. Пришел Шусев — один из самых замечательных архитектурных творцов. С ним делали мозаику для Потчева, часовню для Пскова..... С Покровским делали Голубевскую церковь под Киевом, мозаики для Шлиссельбурга, Иконостас для Перми. С Алёшиным делались Богатырские фризы у Баханова.... Много что делалось, и керамиковые фризы для Страхового общества, и панно для молельни в Ницце, и панно для правления Московско-Казанской дороги..... А там уже начинался храм в Талашкине с М.К. Тенишевой.... После подошел тоже замечательный архитектор Чуко. Была дружба с

Марианом Перетятковичем, который один из первых воспринял идею охранения культурных ценностей.....

Музикальный круг образовывался и около Елены Ивановны, о которой профессор Боровка говорил, что она могла иметь блестящее будущее пианистки. Также и Стёпа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром. В нём были заложены крупные музыкальные способности. Семья Римских-Корсаковых.....

Стравинский, который потом пришел за сюжетом для совместного создания балета, из чего выросла "Весна Священная". В 1913 г. Париж надрывался в свисте, осуждая "Весну", а через несколько лет она вызывала столь же сильные восторги. Таковы волны человеческие. Пришел Лядов со своим тоже даровитым сыном, который потом у нас работал в Школе. Жаль, что молодой Лядов был убит в начале войны, из него вышел бы большой художник. Вообще семья Лядовых была утончённо даровитая, и чувствовались, какие они были к тому же и хорошие люди. Штемберг, зять Римского-Корсакова, посвятил мне прекрасную увертюру к "Сестре-Беатрисе".

Затем приближался барон Фитингов и даровитые Завадские. Много встреч, также много было их и за границей.

Из писателей - дружеские отношения с Горьким, Леонидом Андреевым и с некоторыми корифеями старшего поколения. Мы любили и ценили Мережковского, и если бы он написал лишь одно Леонардо Да Винчи, то уже был бы великим писателем. Особые отношения были с А.М.Ремизовым. С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его "Лерлицу Дружинную". Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны. Он не только мастер слога, но и ведун души. Много встреч.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп.1, ед. хр. 23, л. 39

КОРМОН

Нужно сказать, что Фернанд Кормон несколькими своими указаниями заложил многое незабываемое. Некоторые его считали неисправимым академиком и очень формально сужим человеком. По моим наблюдениям, это было не так. О себе Кормон говорил очень показательно: " Если бы мне пришлось начать снова, я бы сделался скульптором". Действительно, когда вы рассматриваете в Люксембургском музее его "Каппа", вы понимаете всю тонкость суждений Кормона о себе. Красок он не знал, но в то же время он очень поощрял краски в учениках. Рассматривая мои эскизы, он сказал: "Мы слишком изощрены / рефинированы / - мы у Вас будем учиться ". Затем, когда я как-то сказал ему, что люблю не столько работать на глазах у всех в общей мастерской, сколько наедине, он как-то сочувственно улыбнулся и сказал: " Все наши школы - чепуха / , человек становится художником, когда остается один.

Если имеете средства — возьмите мастерскую, работайте один и приносите мне этюды. С удовольствием и я к Вам зайду". Согласитесь сами, что такое суждение довольно не обычно для сухого члена Института, иным для многих представлялся Кормон. Нельзя не вспомнить, как Саржент, познакомившись с некоторыми членами Королевской Академии, с удивлением заметил: "Они оказались гораздо более человечными, нежели можно было предполагать".

Ученики знали как-бы два Кормона. Один приходил в Академию, сурово поправлял рисунок и не вдавался ни в какие рассуждения об искусстве. Другой же Кормон приглашал к себе некоторых учеников, и в праздничные дни у него собиралась целая оживлённая группа, встречающая совсем другого Кормона.

В эти минуты он мне напоминал Анатоль Франса. Не скучился на очень меткие и тонкие определения. Умел похвалить, но в то же время успевал бросить какое-то ведущее слово. Приносили ему на показ всякие работы и рисунки, и масляные этюды и эскизы — от законченных и до самых зачаточных. Из моих эскизов ему нравились "Идолы", "Поход Владимира на Корсунь", "Волки" и эскизы для "Вече". Можно было ожидать, что краски

"Идолов" будут чужди Кормону, но он хотя и приговаривал"
"но всё-таки показывал остальным ученикам, одобрительно воскликнул:
"Это для будущего".

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, л. 41

ГОЛОВИН

Головин привлекал к себе не только дарованием, но
своей утончённостью, постоянным исканием и совер-
шенствованием. Была в нём и какая-то таинственность.
Никто не знал его домашней жизни. Иногда Головин
куда-то спешил. Должен был с кем-то встретиться, и
никто не был посвящён в его внутренний быт. Но это
не мешало дружбе с Александром Яковлевичем. Почти
каждый вечер в его мастерской над зрительным залом
Мариинского театра собиралась группа друзей. Снизу
неслись приглушенные звуки оркестра; шла особая
театральная жизнь, а Головин толковал о своих буду-
щих постановках. Углублялся или в "Кармен" или в
"Руслана". Многие любили "почесывать" на верхо-
турке у Головина, и он умел быть радушным хозяином
и хорошим другом.

Иногда он был расстроен. Друзья спрашивали:
"Неумели Коровин приехал?" Головин подозрительно
смотрел на двери и шептал: "Да, да, чёрный здесь,
Слышу его запах". Вероятно, вражда Головина с

Коровиным имела какое-то глубокое основание. Мы не расспрашивали о причинах, втайне мы вспоминали пресловутую вражду Энгра и Делакруа. Почти в тех же выражениях говорил Энгр, когда Делакруа появлялся на выставке: "Слышите, серой пахнет!" За исключением Коровина, Головин во всем был очень приветлив, и даже неизбежные театральные терзии, не выводили его из себя.

Была истинная радость говорить с Головиным об искусстве. Он любил обсуждать и технические приёмы. Искал сочетания темперы и пастели. Думал о лучшей подготовке холста. Болел вопросом о рамах. После всяких проб ввёл медные законтовки.

Всегда наставлял, чтобы стекло было толстое с фасадом, "Ведь такое стекло всё равно, что лучший лак". Даже свои крупные вещи Головин обращался медной законтовкой. Интересовался цветными холстами. Его майляр много раз подготавливал и для меня. По заказу "Золотого Руна" на той же театральной верхтурке Головин писал мой портрет. Непременно хотел, чтобы был чёрный спрут с жёлтым жилетом и с лиловым галстуком. "А в глазах пусть будет что-то монгольское, азиатское -- так ему казалось. Он любил азиатскую Русь. Прекрасный художник!

Он умел всегда оставаться молодым, готовым на новые поиски. И в красках его, всегда свежих и нежных, сказывалась природа истинного мастера.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23 № 43, 44

ДЯГИЛЕВ

Сергей Павловича мы любили. Он совершил большое русское дело. Творил широкие пути русского искусства. Всё что делалось, было своевременно и несло славу русского народа далеко по всему свету. С годами можно лишь убеждаться, насколько работа Дягилева была верна. Как всё верное и нужное, эта работа была особенно трудной. Сколько враждебности и наветов окружало всё, слагалось Дягилевым и Миром Искусства. Но и в самые трудные часы Дягилев не падал духом. У него хватало природной стойкости, чтобы одиноко, на своих плечах выносить и разрешать самые запутанные положения. Санин рассказывал, как однажды в Париже театру Дягилева грозила почти неминуемая гибель. Но никто из участников не заметил и малейшего признака опасности. Узнали лишь когда театр был спасён. Много таких побед!

Весь Мир Искусства, журнал, портретная выставка, балет, опера, — всё это легко теперь перечислить, но трудно измерить, какая бездна потребовалась для каждого из этих дел. Много доброжелательства виназивал

- 60 -

Дягилев во всех житейских встречах.

Наши отношения начались с конкурсной выставки 1897 года. В "Новостях" Дягилев добром отметил моего "Гонца". Затем он очень хотел получить для Парижской выставки 1900 года "Поход", но картина уже была отдана на академическую выставку. После 1903 Дягилев приехал к нам на Галерную и пригласил на выставку "Мира Искусства" в Москву. Увидав еще не оконченный по моему мнению, "Город строит", Дягилев взял с меня обещание, что ничего более изменять в картине не буду. Эта московская выставка дала большие следствия.

Следующая наша встреча была на почве театра в 1906 году. "Половецкий стан" / тот, который в Третьяковке/, а затем "Псковитянка" / Шатер Грозного/, "Игорь" и в 1913 году "Весна Священная". Уже в Лондон в 1920 году Дягилев прислал мне телеграмму - привет о пяти-сотенном представлении "Половецкого стана". Не знаю, где находится мой занавес к "Китежу", - он был принят превосходно. Где занавес Серова? - ведь это была капитальная вещь! Неужели мыши съедят?

- 61 -

Последний раз мы виделись в Лондоне в 1920 году.
Обсуждались с Бичамом " Царь Солтан ", " Садко "....
Но Бичам впал в банкротство и проект развалился. С
радостью следили мы, как Дягилев через все труднос-
ти преуспевал. Теперь его имя уже обозначает боль-
шие русские победы / си. : " Венок Дягилеву" /

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23 л. 25

БУДЕМ БЕРЕЖЛИВЫ

Ушел Шаляпин. Ушли и Горький, и Глазунов, и Куприн, и Трубецкой, и Кустодиев, и Дягилев, и Браз, и Бакст, и Головин, и Яковлев.... Свернулось несколько страниц русского истории искусства, русской культуры. Невольно хочется обернуться и посмотреть, много ли у нас остаётся величин того же поколения и того же значения. Выходит, что окажется их не так уж много — лист оказывается не так уж велик по всем отраслям искусства и литературы.

Много раз писалось о бережливости. "Много где проявлялась расточительность. Застрелили А.С. Пушкина и Лермонтова. Изгоняли из Академии наук Ломоносова и Менделеева. Пытались продать с торгов Ростовский Кремль. Длинней синодик всяких расточительств от давних времён и до сегодня. Довольно. Бережно и любовно должна быть охранена культура".

Нельзя отговариваться тем, что кто-то когда-то не заметил за сутолокой жизни. Всякое небрежение к культуре уже непростительно во всевозможных обстоятельствах.

Если человек любит культуру и, естественно, свою родную культуру, то он отнесётся со всевозможной бережностью к носителям этой культуры. Каждый выдающийся деятель культуры уже является живым памятником её. Люди нередко говорят об охранении коменных памятников. Но не лучше ли при этом также помыслить и о заботливом охранении памятников живых, которые могут ещё во многом приложить свои творческие силы во славу русского народа. Многие народы скажут, нам всем всюду тяжко. Но ведь эти тягести будут облегчаться сознанием, что среди нас живут те, которых мы называем учителями в разных областях жизни.

Всегда ли мы бываем бережливы? Не бываем ли мы по слову Пушкина "к добру и злу постыдно равнодушны"? Не обходим ли молчанием то, что должно вызывать самое сердечное суждение. В таком сердечном порыве все мы, несмотря на тяготы жизни, могли бы создать

- 64 -

нашим старшим культурным творцам дни спокойные, углублённой творческой работы. Не будем ожидать, пока будут построены целые институты, как было сделано для работы Павлова. Не только широкие материальные возможности, но именно сердечность убеждёт от расточительности, которой когда-то кто-то устыдится.

Будем бережливы.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23 л. 45

ГРАБАРЬ

Некоторые говорят о ненужности автобиографий. Не правы они. Каждое такое жизнеописание даёт не- повторяющийся материал. Вспомним Челлини. Автобиография Грабаря даёт множество характеристик. К тому же она сообщает о молодости Грабаря, — не легко ему было. Эти трудности — ключ ко многому. Пусть даже некоторые сообщения в книге неверны — может быть отёрлись годами, но вся книга полна значения. К Грабарю бывало несправедливое отношение. Шербов зло перефразировал имя. Шербатов и Раун уверяли, что когда у Грабаря глаза круглые — тогда он сочиняет. Говорили о неискренности. Мало ли что шепчется, а о деле — тем более. Грабарь закрепил себя не только в искусстве, но, подобно Вазари, и в писаниях. Сообщите все им сделанное и скажите спасибо. Разве уж так много подобных деятелей. Жаль, что осталась несконченной "История русского искусства". Грабарь задумал её оригинально. Отделы были поручены зна- токам дела. А у нас так мало было издано о неисчис- лимых сокровищах русских просторов. Свой организатор-

ский талант Грабарь проявлял не однажды. И каждый знает, как это было нелегко, в среде недоброжела-
тельства и под косым взглядом академической рутины.
Грабарь сам пробил свой путь, — без богатых или са-
новных родственников. Елена Ивановна и я одинаково
ласково относились к Игорю и радовались его дости-
жениям. Последний раз мы виделись в Москве летом
1926 года. Тогда Грабарь руководил реставрационной
мастерской. Без сомнения, много добра для старинного
искусства произошло от его советов и указаний.

Как всегда деятельный, он был полон замечаний о
работах. И всюду, где он появлялся, зарождалось ка-
кое-нибудь новое, полезное дело! И на словах, и в
книге своей Грабарь выражается твёрдо. В наше шаткое
время такая деятельность и деловитость особенно нуж-
ны. От многое Грабарь мог бы поникнуть духом. Раз-
валились выставки Менка и Шербатова. В 1915 г. во
время немецкого погрома в Москве в типографии Грос-
смана и Кнебеля погибли все материалы биографий рус-
ских художников. Много препон и задорин на пути со-
здательства. Но Грабарь не унывал, и это качество
всегда нам было ценно. Картины Грабаря — в лучших
музеях. В русской школе они составили отличное звено
между московским и питерским течениями. И сейчас, при-
ближаясь к восьмому десятку, Игорь мыслит бодро и

даёт целую галерею выдающихся портретов.

Вспоминали мы в Гималаях Игоря и жену его, а тут с почты несут его книгу.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, л. 23

ПОДДЕЛКИ

Много раз приходилось натыкаться на разные художественные подделки как среди старинных картин, так и даже моих собственных. Был пьяненский Вечтомов, которому ловкие продавцы картин заказывали писать под Рембрандта. Говорят, что в пьяном виде он особенно хорошо подражал. Нам пришлось видеть две его подделки и одна из них была действительно талантливо сделана. Семёнов-Тяншанский и Селиванов, оба хотели иметь эту картину. Селиванов до самой смерти уверял, что это вещь подлинная. Когда же я ему говорил и указывал, что под всячими искусственными напосами доска не старая, у него и на это была отговорка. Он напоминал, что картины были перенесены не только на холст, но и на более поздние поэки. Среди новейших подделок были под Левитана, под Коровина, Репина, Брубеля...., а также мне пришлось видеть три подделки под меня. Впрочем, в двух случаях была подделана лишь подпись под оригиналами Рушица и Броблевского. На одном из них Рерих было через "В". Но третий случай был довольно необычный. Была написана неболь-

шел картина, составленная из разных моих деталей. Были на ней и ладьи с красными парусами, и русский город, и воины с червлеными щитами — словом, что-то объединило несколько моих сюжетов. Коллекционер заплатил за неё пять тысяч рублей и очень радовался покупке, пока мне не пришлось разочаровать и огорчить его. Даже подпись была сделана довольно похоже. Не забуду также эпизод в мастерской И.П.Боткина, когда мы с Пречищем пришли выбрать несколько вещей для музея. В мастерской все стены были увешаны разнообразными и полчаса очень хорошиими этюдами. Обычно, показывая мастерскую, Боткин широким жестом показывал на стены, как бы приглашая смотреть, и все заключали из этого, что он показывал свои вещи. При этом многие удивлялись, насколько вещи более ранние были много лучше последних. Мы отобрали для музея семь вещей, но когда отмыли грязь, то из них пять оказались принадлежащими другим художникам и три даже с подписями — Черкова, Саврасова и ещё кого-то той же группы. И такие эпизоды бывают. Не забудем, что иногда некоторые художники без желания подделать, очень близко подражали кому-либо. Так например, Замирайло мог чудесно подражать Врубелю.

- 70 -

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2403, оп.1, ед. хр. 23, л. 24

СУДЬБА

Превратна судьба художественных произведений. Много раз приходилось убеждаться, как картины совершенно могут менять вид свой не только от реставрации, но и от необъяснимых химических процессов. Зависит это не только от красок, но и от всех прочих ингредиентов. Холст может сыграть самые дурные шутки, уже не говоря о досках или папках. При перевозе картин в разные климаты происходят самые безобразные явления. Каждое путешествие — для художественного произведения — большой риск. А после, когда-то в научных трактатах будут приписывать художнику такое, о чём он и не подышал. Каждый художник может из своей жизни привести множество подобных примеров. С одной стороны, требуются выставки, но каждая из них терзает экспонаты. После пятидесяти выставок моё "Сокровище ангелов" изменило даже формат. Каждый раз холст перетягивался и съёдавалась часть картины. Кто-то будет говорить об изменившихся красках, но вспомним, какие дорожные

неприятности им пришлось претерпеть. Иногда из дальних краёв картины приходили в подлощенном виде — например, из Тибета. В Венеции картина покрылась густым плесенью. А как чернеет живопись в тёмных кладовщиках или выцветает под прямыми лучами солнца. Иногда можно судить о первоначальных красках лишь по кайме, прикрытой рамой. Нало ли что бывает! Пишут, что нашли мою картину в таможенном доме на острове Сааремаа. Как попала она туда? Видел я "Зовущего", сложенного как носовой платок. Ободрана до неузнаваемости "Песнь о викинге". Стёрта пастель "Три волхва". Пропала во время войны "Ункрада". Пропали многие картины, бывали изрезаны. Где "Крик эмиля"? "Зарево"? "Граница царства"? "Три радости"? Говорили, в одном польской замке во время наступления видели много картин, среди них шесть моих. При отсутствии все оказались сожжеными. В старых каталогах можно находить много картин и скульптур, потом навсегда пропавших. Всякие вандализмы свирепствовали по лицу земли. И сейчас и на Западе и на Востоке гремят взрывы и уничтожаются многие творения. Люди уже думают о подземных тайниках, о песочных мешках для охраны. Не позволять ли прочным пещерам троглодитов. В гротах Алтамиры сохранились рисунки лучше, чем в некоторых музеях.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2403, оп.1, ед. хр.23, л.50

ЗАПАДНИ

Нагорья Тибета часто до того изрыты сурками, что езда делается очень опасной. Даже на шагу конь иногда нежданно проваливается по колено и глубже. Скакать совсем нельзя — можно коню ноги переломать.

Западни повсюду. Понемногу привыкаешь к опасностям, и они становятся как-бы неизбежностью жизни. Однажды, в поисках каменного века, посреди бурного Новугородского озера, потекла ледка. Вода быстро прибивала. Пробовали заткнуть течь — не помогло. А ветер крепчал. Гребцы сумрачно переговаривались. Один грёб изо всех сил, а другой вместе с нами двумя отиачивал воду:

- Не доехем.
- Говорил, нужно было взять у Кузьмы новую лодку.
- Не доехать. Сиверко захлестывает.
- А плавать умеете?
- Нет, не умеем.
- Ну, тогда ещё хуже.

Моя милая Лада и тут проявила твёрдость и спокойствие.

— Всё-таки глупо тонуть, — только и сказала,

а сама работала не хуже гребца. Вот у кого учиться mustеству. И почему это слово от мужа, когда этот пример часто придет от женщины.

Вдали показалась синяя пологая коса. Гребец осмелел:

- Ии, доадем!

Но другой продолжал настаивать: "Куда тебе. Того гляди, все полотнище высадят".

А через полчаса авральной работы стало ясно, что мы продвинулись к берегу:

- Бывает и корабли ломат, а бывает и не ломат.

- Не иначе, что Преподобный Сергий вынес из западни. А была западня, как уж западня!.... Ну, теперь огонек запалим, обсушимся!.

Не прошло и часу, как мы причалили к илстой косе. Где тут обсушиваться, когда на песке блеснули вымытые волнами стрелки и скребки.

- "Спину-то, Елена Ивановна, пожалейте. Не подённая работа", - улыбается Ефим, а сам легко ступает в лаптях по тонкому илу. Славный Ефим!

- Тонули мы и в Финляндии на озере в растополь перед ледоходом. Пробовали тонуть в Балтийском море около Гапсаля. Лада чуть не сгорела. Юрий чуть не застрелили в Улан-Баторе.

Много было всяких западней - и водных, и земных злокозненных.

Учились жизни всячески.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп.1, ед. хр. 23, л. 34

БИТВА

Многие битвы гремели. Были старания остановить, а то и просто стереть, уничтожить. Б. старался так расположить голоса при выборах, чтобы устроить вражеский перевес, но хотя бы одним голосом победа оставалась за нами.

После выставки в С.Луи в 1906 году 800 русских картин, весь русский отдел был продан таможней с аукциона. Пропали моих 75 вещей. Разве ладно?

В Стокгольме в день открытия выставки 6 ноября 1918 года отрёкся Вильгельм. Шведы были потрясены. Не ладно!

В 1920 году в Лондоне при открытии моей выставки чиновники из Министерства иностранных дел уверяли, что картины не мои, а сам я убит в Сибири. Вот какие дела!

В 1930 году в Лондоне Коренчевский мне лично сказал, что я не Рерих, а Адашев. И такие небылицы бывали.

У Кингора во время открытия лопнуло электричество. Произошла паника. Неприятновъ

В Музее в день открытия с трудом был предотвращён пожар. Только по случайности успели принять меры. А было 10000 посетителей.

Храм в Талашкине в 1914 году из-за войны остался не конченным.

Уничтожены "Сеча при Керженце" и "Казань". Пропали "Ункрада", "Зовущий", "Крик Змея" и многие. Испорчены "Песнь о викинге", "Древняя жизнь", "Поход", "Поморяне", "Волокут волоком", "Три волка" и многие.

С трудом нашли в Лувре "Замки Майтреи". Кто хотел их присвоить? А где "Ростов Великий"? А где "И открывасм" из Пекинского музея? А как назвать проделки Кашина? А где Пакт, после подписи 21 странами?

Сгорел "Гроссман и Кнебель" в 1915 году со всеми клише и манускриптом монографии. Пропали вещи у Белого. Хоронили в Англии. Назвали Антихристом в Харбине. Погибли в Перми за оборону Родины.

Происходит хоршевский вандальизм. Вот какие тёмные дела!

Можно припомнить битвы без числа. Повсюду тёмная рука пыталась разгромить. Но, "говорят, что мы мертвы, а мы живы". Не только живы, но преуспели. Тваряли, но находили. Видели предателей и учились распознавать лягушки. Битва, да будет благословенна!

ЦГАЛИ, № К. Рерих, фонд 2403, ок. I, ед. хр. 23, л. 71, 72

ПРЕОДОЛЕНИЯ

Грабарь в своей автобиографии пишет: " Вскоре после этого Рерих выступает с серией картин из быта доситорических славян. Все они были талантливы, и Рерих рос не по дням, а по часам. Госла и его административная карьера: после трагической смерти Собко, попавшего под поезд, Рерих получает назначение секретарём " Общества поощрения Художеств — пост по тогдашнему времени весьма значительный, ввиду близости к придворным сферам, через великих всяких княгинь, патронесс Общества. Понемногу он превращается в " Николая Константиновича " и становится " особой ", с его именем считается, перед ним заложивают. Он полноправный хозяин второй петербургской академии — " Общества Поощрения ". Перед самой революцией была, как говорят, подписана бумага о назначении его действительным статским советником, т.е. " статским генералом ", что было связано с приятным титулом ваше превосходительство ". Чего больше? В тридцать лет достигнуть всего, о чём можно было мечтать по линии служебной карьеры! Но этого было Рериху, конечно, недос-

таточно. Он начал собирать нидерландцев.

Но самым главным делом для него оставалась всё же собственная живопись. Он ещё раз в корне переменил изнеру и художественную установку, вступив в лучший, наиболее блестящий период своей художественной деятельности. Убедившись в излишней черноте картин своего предшествовавшего периода, Рерих бросил масляную живопись, перейдя исключительно на темперу. Появились те красивые, гармонические по цветам композиции, которые стали характерными для обозначения существа рериховского искусства: настоящее, бесспорное, большое искусство, покорившее даже скептика Серова. Особенно хороши были его эскизы театральных постановок к "Игорю", "Пер Гюntу", "Весне Священной".

Для меня была совершенной загадкой жизнь Рериха. Бывало, придешь к нему в его квартиру, в доме "Общества Просвещения", вход в которую был не с Морской, а с Мойки, и застайшь его за работой большого панно. Он ехотно показывает десяток-другой вещей, исполненных за месячища, прошедшие со дня последней встречи: одна лучше другой, никакой халтуры, ничего банального или надоевшего — всё так же нова и неожиданна инвенция, так же прекрасно или большие холсты и картины органи-

анизованы в композиции и гармонизованы в цвете.

Проходит четверть часа, и к нему секретарь привносит кипу бумаг для подписи. Он быстро подписывает их не читая, зная, что его не подведут: канцелярия была образцово поставлена. Еще четверть часа за ним прибегает служитель:

— Великая княгиня приехала.

Он бежит, еле успевает крикнуть мне, чтобы я остался завтракать. Так он писал отличные картины, подписывал уинные бумаги, принимал посетителей, гостей — врагов и друзей — одинаково радушно тех и других, первых даже радушнее, возвращался к писанию картин, то и дело отрываясь телефонными разговорами и всяческими очередными приёмами и заботами. Так проходил день за днем в его кипящей, бывшей ключом жизни ".

Но не написал Грабарь, легко ли было? А бывало так трудно, что казалось исхода нет. Помимо картин, осталось ещё ведущее ощущение. Удалось давать молодёжи в Школе подлинное образование. Удавалось открыть молодые глаза на новые дали и изоружить их против всех страшных призраков, против насмешек невежества и мракобесия. Разбрелись широко ученики Школы, но поминают душевно былье наставления. "Живы заветы учителя", — так писал Вольтер в 1926 году в Москве.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, л. 47, 47^А

КУТКОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Америка осенью 1929 года явила страшное зрелище. После ряда лет благополучия, когда цены возросли и толпы потянулись к Молоху — бирже, грянул развал, разрушение.

Люди в день теряли миллионы. Святослав потерял семьсот тысяч. Шаляпин много потерял. Изуродовался весь план наших учреждений. Программа была на нормальную жизнь, а тут всё встало вверх дном. Начались самоубийства и от потери денег и вообще от отчаяния, — все обезумели. Наше учреждение должно было получить миллионное пожертвование. После бедствия приходит расстроенная жертвовательница: "От всего моего состояния осталось лишь сто пятьдесят тысяч".... Где уж тут говорить об обещанных жертвах.

Исчисляют, что такие беды бывают в Америке периодически, примерно через шесть—семь лет. Но как они должны влиять на характер всего народа. Странно, что такие примеры не предостерегают игроков. Не успеет танец

утихнуть, как уже готовятся новые жертвы Молоху.

Пришлось расстаться с собранием старинных мастеров. А ведь оно предназначалось для музея. Были отличные прimitивы: один ушел в Чикагский музей. Был и Рубанс, и Ван-Дейк, и Брегель старший. Много чего было. Всегда жаль распад.

Испытатели жизни должны пройти перед жутким зрелищем краха всей страны, перед народным безумием, перед волчьими аппетитами, которые соряются на чужих бедствиях. Где тут культура? Даже где тут цивилизация? Вспыхивает произвол. Восстание подчеловеков! Следует пройти и через переоценку ценностей, чтобы судить о планетарной относительности.

Жаль, сердечно жаль тех невинных, которые за свои ли давние прегрешения бывают ввергнуты в огненную гиену развала. Можно представить, как гремит Армагеддон, как работают агрессоры. Много жутких зрелищ, но тридцать серебренников — самое страшное.

Сейчас читали, что Рокфеллер, когда его благодарили за пожертвование, ответил, что "так как лепта была денежная, то тем она малозначительна". Некоторые придут к такой формуле. Не многие догадаются, что не доллар — король, а есть и другая ценность истинная.

- 81 -

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, № 59

УПАСИ!

Упаси Вас попасть в лапы американского гангстера. Кем только он не прикинется. Произнесёт весь словарь добра. Будет твердить слова о культуре. Войдёт в доверие. Предложится в качестве доверенного. Выходит целые годы. Смастерит всяческие бумаги. Под разными предлогами достанет подпись. Сочинит какие-то "технические необходимости". Наконец, выйдет час, когда вы отсутствуете и, сняв спасавую маску, ограбит. Ограбит потла. До малейшей вещи! При этом оказывается, что целая группа здравомыслящих людей подарила гангстеру своё имущество. Подлинный документ этой передачи, видите, исчез, но зато имеется домодельная "копия", сфабрикованная женой гангстера. Нужно нет, что будет доказано свидетелями, что документ никогда не совершался, — всё-таки найдётся и судья, который примет вместо документа сфабрикованную "копию". Найдутся некие адвокатики, которые клеветнически живо покажут, что гангстер был учёным доктором, знатоком искусства, давнишним культурным деятелем, словом, вопросы очевидности, изобразят всё, что им хочется...

А правда? Да кому камое дело до правды. Если захотят, то покажут, что вы вообще не существуете. Гангстер изворотлив. Где нужно — улыбнется, всячески прискорбится. Где и тридцать серебренников забреччат. Где угроза, где — и убийство. Все пути открыты. "Закон как цыпленок, куда повернешь, туда и вышло". Уж давно это сказано, и гангстер знает много пословиц. Знает, что у фемиды глаза завязаны. И ещё есть спора у гангстера. Он убеждён, что защитить правду стоит великих денег. Но какие же деньги найдутся у ограбленных людей? И где те защитники, которые подобно Золя, встанут за правду без гонорара? У гангстера найдутся и покровители, им опутанные. Даже вторгнувшись они в правоудие, будут наледовать судьям телефонами. Гангстер нацмейтесь над целой нацией. Сыграет на любой слабой струне. Где выгодно, прикинется ювелиром, или меценатом—наценет любую шкуру, хотя бы овечью, чтобы скрыть свою тигровую лицину. Даже разумные люди будут советовать уступить гангстеру, ибо Спарафучиле недорого стоит. Итак, вопреки культуре, вопреки цивилизации, вопреки достоинству человеческому, гангстер будет царить. Он найдёт хор сикофантов и готовые отравленные кинжалы. Отчего Линдберг вынужден был покинуть Америку?

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп.1, сд. хр. 23, л. 65

ДЛЯ БУДУЩЕГО

Вспомним наугад несколько значительных музейных художников. Мазо-ди-Банко, Транини, Алтичерио, Стефано да-Зевио, Николе Джамбоне, Питати, Бенедетто Лидана, Энполи Индзегно, Ланини, Лицинио, Мациале, Мессатто, Морандо, Герини, Бусонкорсе, Ортолано, Орси, Ориоло, Пульцоне, Станциони, — можно было бы назвать ещё многих, многих. Они были хорошими художниками. Некоторые из них занимали выдающиеся места. Были главами академий и мастерских. Но игра рока удивительна. Многие современники их опередили. Им пришлось не раз уступать свои произведения иным мастерам. Только в веках кое-что им было возвращено, но и то — частично. Помним, как фреска Пазанского Кампо Санто меняла автора от Гоццоли к Нардо ди Чоне, и от последнего — к Тринии. Немало таких странствий совершили произведения. Даже и в совсем недавнее время, чуть не о наших современниках спорят критики и не знают, кому приписать анонимные творения. А что же сказать о веках далёких, когда

традиционные сходства школы еще более прикрывали индивидуальность? Как отличить деревитых учеников Рембрандта, Рубенса, ван-Дейка от самих мастеров. Ластман, учитель Рембрандта, иногда трудно отличить от работ своего великого ученика. Даже Брамер подчас напоминает Рембрандта.

Затем, в свою очередь, Ян Винторс и безвременно погибший при взрыве в Дельфте Фабрициус не раз бывали принимаемы за самого Рембрандта.

Посмотрите в словаре Вурцбаха на множество художников Нидерландов. Немало из них вообще не оставили картин или вернее, были поглощены другими мастерами. Подписанных картин сравнительно мало!

Огромное количество анонимных картин даёт широкое поле догадкам и всяким времененным определениям. Существуют и синодики известных картин мастеров, местонахождение которых неизвестно. Среди них можно видеть имена Тициана, Дюрера, Греко, Веласкеза..... Может быть они погибли в огне, может быть уничтожены вандалами, которых немало во всех веках и народах.

- 92 -

Кое-что может быть еще скрываются на каких-то чердаках. Ведь постоянно находятся новые шедевры Вернера, Гольбейна, Рубенса, и других лучших мастеров. Под великими именами часто скрываются неизвестные таланты, и наоборот, — великие произведения остаются неузнанными.*****

"Это для будущего" / Софокл /.

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., 2403, фп. I, ед. хр. 23, № 70.

МНОГО ПРИМЕРОВ

Анатоль Франс рассказывает: "Можно было дать тому бесчисленные примеры. Я приведу только один. Лет пятнадцать тому назад, на экзамене, на вольноопределяющегося военные экзаменаторы назначили для диктанта кандидатам неподписанный отрывок, который, будучи приведен во многих газетах, усердно осмеивался в них и вызывал большую весёлость у начитанных читателей. "Где, — спрашивали они, — эти военные откопали столь смешные фразы". Между тем они были взяты из очень хорошей книги. Это был Мишле, и Мишле лучшей поры.

Забавник, смеявшийся больше других, был большим ревнителем Мишле. Эта страница прекрасна, но чтобы вызвать всеобщее восхищение, она должна быть подписанной. Точно так же обстоит со всякой страницей, написанной рукой смертного. И наоборот, громкое имя вызывает слепые похвалы. Виктор Кузэн открывал в Паскале тонкости, которые потом были признаны ошибками переписчика. Он, например, восторгался "запрокинутыми беднами", происходящими исключительно от ошибочного чтения. Трудно представить себе

г. Виктора Кузэна, восторгающегося "запрокинутыми безднами", у кого-либо из своих современников. Рапсодии некоего Брэна Лийкса были благословленно приняты академией наук под именами Паскаля и Декарта. Оссман казался равным Гомеру, когда его считали древним. Его презирают с тех пор, как знают, что это - Мак-Фирсон".

Истинно - много примеров несправедливости. Случалось, что и Рембрандта отвергали и Коре не принимали на выставку. В 1904 г. я предлагал устроить аналогичную выставку, чтобы дать повод поразмыслить о качестве. Но эта идея показалась страшной! Мало ли что могло произойти. Неведомые могли возвыситься, а заслуженные, чего доброго, могли потерять свои регалии. Вероятно, Анатоль Франс много раз испытал условность суждений и хорошо знал все приливы и отливы. Антивар Смирнов говоривал: "Что такое подпись? Подпись тридцать копеек стоит." И стойдут и опять вернутся. Кому-то будет выгодно умалить, кому-то окажется полезным возвысить. И всё-таки

"красота спасёт мир".

ЦГАЛИ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, л. 33

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Во время моей выставки в музее Канзас Сити местная жительница Холис возникла увлекательную мысль, чтобы одна из моих картин - "Властитель Ночи" - была бы поднесена музей от имени молодёжи. Для этого она обратилась в местные школы, где её предложение было встречено с большим восторгом. Дети любят, когда их привлекают к серьёзному делу больших. Как мне писали, при этом произошли многие трогательные выступления. Были даже какие-то детские посты и газетные обращения, и это общее дело прошло под знаком полного успеха.

Мне лично такое участие молодёжи необыкновенно радостно. Никто не заставлял и не застраивал молодые головы какой-то необходимостью условной. Наоборот, была брошена лишь живая идея, и молодёжь разного возраста в полном единении отозвалась. Конечно, не мало существует всяких общественных начинаний. Но как-бы много их ни было, всё-таки хочется, чтобы

общественность проявлялась в её более обширном размахе. Прежде всего, широкие круги молодёжи должны быть привлекаемы к серьёзным общественным построениям. В конце концов, для кого же все строятся, собирается, запечатлевается. Прежде всего для той же молодёжи, для будущих поколений. Если всегда и во всём именно молодое поколение будет привлекаться к действенному сотрудничеству, то легче всего образуется живая связь с будущим.

Очень много всегда говорилось о различии и даже о коренном непонимании разновременных поколений. Но дряхлость восприятий обозначается вовсе не поколениями, но совсем другими обстоятельствами, которые нетрудно превозмочь. Каждый энал молодых стариков и очень дряхлых юношей. Дело не в возрасте, а в состоянии мышления. Не чем больше от юных лет человек будет привлекаться к общим делам, чем больше его научат думать об общем благе, тем продолжительнее сохранится молодость всех восприятий.

Государственные строи современности открывают широкий доступ для всего населения ко всем деятельности

- 97 -

виявлением. Не следует, чтобы люди не только чувствовали себя допущенными, но и ощущали себя содеятелями. Именно сознание содейственности во всём её труде и ответственности приносит здоровое мышление. В этом образе мышления люди научатся и радиоваться прекрасному.

Создавайте содеятелей.

ЦРАЛІ, Рерих Н.К., фонд 2408, оп. I, ед. хр. 23, № 66

ВПЕРЁД

Не будет ли каждое воспоминание зовом "назад"? Не остановит ли оно поток продвижения? Не будет ли оно запрудой для течения новой мысли? Если воспоминание может остановить и преградить продвижение, то лучше и не ввергаться в эти бывшие области. Только то хорошо, что может исправить заблуждения и вложновить к новым исканиям. Среди груд воспоминаний прекрасны лишь те, которые научили быть молодым, сильным, неутомимым. Сделанное ранее нельзя любить, ибо оно было несовершенство. Если же кому-то подуникается оно совершенным, то пусть покажет он врачу засорившийся глаз свой. Нет беды в том, что прежде сделанное окажется несовершенным. Если оно представилось бы окончательным завершением, то прервался бы путь прекрасных исканий.

Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. В каждой неудаче уже заложен урок усовершенствования. Иначе и чому сказано: "благословение препятствия, ини ми растём".

Не сожалеть надо о прошлом молоке, но и его полезно использовать. Синтез заповедан во всём. В нем преподано значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез — сложение сил — ведёт вперёд. В таком приказе звучит беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений. Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где — ветхость или юность. Но мысль безсмертия. Мысль о благе, о красоте не может быть ветхой. всякая ветхость даст смрад и гниение и может быть легко распознана. И злоба, и ненависть, и человекоубийство не принадлежат к передовым достижениям. "Вперед, вперед", — в этом стремительном приказе далеко позади остается всё смрадное и ненавистное. Если же найдётся и нечто старинное — оно будет обновлено пониманием нетленно прекрасного. О красоте мыслит тот, кто непременно устраивается. Он хочет и летать, и творить, и приобщиться к общему благу. В самости нет простора, нет полета к обновлению.

/ "Через тернии к звездам" /

4 сентября 1938 г.